

Слепцов Василий Алексеевич

Трудное время

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-4
ББК 84-4
С47

C47 **Слепцов Василий Алексеевич**
Трудное время / Слепцов Василий Алексеевич – М.: Книга по Требованию, 2012. – 114 с.

ISBN 978-5-4241-1645-2

Слепцов Василий Алексеевич - известный беллетрист. Дебютировал в печати в конце 1850-х годов. Автор фельетонов-обозрений, циклов очерков «Владимирка и Клязьма» 1861, «Письма об Осташкове» 1862—1863, рассказов и драматических этюдов «Питомка», «Ночлег», «Казаки», «Мёртвое тело» 1863—1866, повести «Трудное время» 1865, незавершённого романа «Хороший человек».

ISBN 978-5-4241-1645-2

© Издание на русском языке, оформление

«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,

«Книга по Требованию», 2012

Слепцов В А
Трудное время

Слепцов В.А.

Трудное время

Повесть

I

Время стояло летнее, самое раннее лето. Ехал проселком вольный ямщик, вез в телеге, на тройке, проезжающего. Шла дорога полем, шла лугами да оврагами, и пришла дорога к лесу. Стали в лес въезжать. Дело было к вечеру.

- Далеко, что ли? - спросил проезжающий.

- Недалёко.

- А как?

- Да вовсе близко. Вот из лесу выедем, тут она и есть. Ямщик остановил лошадей, слез, походил вокруг телеги, подтянул чересседельник, дугу покачнул, опять сел и, вытаскивая из-под себя вожжи, крикнул лошадям:

- Но! Недалёко!

Телега запрыгала по корням; в воздухе вдруг почудилась сырья, пахучая свежесть. Проезжающий снял картуз, вытер лицо платком и начал пристальнее всматриваться вперед.

Сквозь жидкий дубняк и орешник беспрестанно то там, то сям проскакивали лучи покрасневшего солнца, по верхушкам птицы порхали. Лес заредел, стал все мельче да мельче, солнце разом выглянуло над кустарником, лошади круто повернули вправо, и вдруг телега очутилась на самом краю страшного обрыва, по которому вилась змеей дорога, вся изрытая, избитая и усыпанная мелкими камнями. Лошади стали...

С этого места видно верст на двадцать. Внизу, под самым обрывом - река, вся усеянная островами. Течет эта река из зеленых лугов, густо заросших мелким курчавым кустарником; извивается и прячется она в камышах, и опять сверкает вдали, и наконец совсем пропадает за далекими синими озерами. На другом берегу реки расстилаются сенокосы, хлебные поля и деревни. Ближе, поправее, село, вытянутое к церкви, с обеих сторон обсаженное садами, огородами, гумнами и старыми, почерневшими скирдами. Направо, в саду, на пригорке поместичий дом. В самом низу под горюю шумит водяная мельница.

- Экое место! - Вслух сказал проезжающий.

- Место потное, - от себя заметил ямщик. - Годом бывает, сена родятся багатые, - прибавил он немного погодя и стал спускать, приговаривая лошадям:

- Гляди небось!

Проезжающий осматривал местность; лошади скользили и отступали; ямщик, не оборачиваясь, спросил:

- Сродственники будете Лександру Васильичу-то?

- Нет.

- Так, значит, в гости побывать?

- Да, в гости.

- Доброе дело. Служите де, ай нет?

- Нет, не служу.

Ямщик оглянулся.

- Кто ж вы будете сами-то?

- Попов сын.

- Мм. Да, да, да.

Ямщик помолчал, потом сказал в раздумье:

- А и много тоже ноне вашего брата, кутейников-то 1 .

- Довольно.

- Довольно, довольно, - покачивая головою, говорил ямщик.

- Ну, и что же теперь, братец ты мой, в писаря, что ли, задумал к ям? Просить-ся?

- Нет, так, по своему делу.

- Да; по своему делу... Но! Дьяволы! Пропасти на вас нет! Ту, ту, ту!

Лошади поскакали, телега покачнулась на бок, потом на другой и, прыгая через кочки, понеслась по дороге к селу. Прежде всего кинулась в глаза проезжающему новая, крытая тесом изба, с крылечком, одиноко стоящая на лужайке; над входом голубая вывеска, и белыми буквами написано: "Волостное правление" 2 . Тут же, рядом с правлением, под навесом, виднелись пожарные инструменты: трубы, бочки, багры и проч. На селе куры бродили по улице, поросенок с визгом выскочил из-под колес, мужик торопливо снял шапку и тряхнул волосами...

- Эх вы, несчастные! - крикнул ямщик на лошадей; телега загремела по мосту, потом запылила по двору и остановилась у флигеля.

На крыльце стоял человек небольшого роста, в пальто, и, засунув руки в карманы, пристально смотрел на приезжего.

- Александр Васильич дома? - спросил его приезжий.

- Нету; их дома нету, - отвечал человек. - А вы от станового? - спросил он, подходя к телеге и подставляя ухо.

- Нет, не от станового; я сам от себя. Скоро вернется Александр Васильич?

- Они недалеко уехали с барыней, за двенадцать верст, к господину Ушакову.

К вечеру хотели быть обратно. А вы кто такой?

- Я-то? Да я товарищ его. Он знает, он меня ждал.

- А! Так, так. Знаю-с. Пожалуйте! Я сейчас велю ваши вещи... Господин Рязанов?

- Да.

- Ну, так. Ждали... Как же...

- А где бы мне тут пристроиться пока?

- А вот тут во флигеле комнату приготовили, только теперь там, я вам скажу, такая идет чепуха: бабы это возятся... Разные эти тряпки... Черт их возьми!.. Нет, нельзя...

Приезжий задумался:

- Как же быть?

- Да вы вот что-с: Вы пожалуйте пока в кабинет. Что ж такое? Ничего. Пожалуйте! А я вот... Эй! Кто там? Приказчик! Кликни кого-нибудь!

- Нет, Иван Степаныч, нечего и кричать, - говорил, подходя, приказчик, в долгополом армяке, спокойно и медленно шагая по двору своими большими сапогами. - Нету никого, - шабаш. Все на село ушли, - прибавил он, махнув рукой, и, подойдя к телеге, стал глядеть на лошадей.

- Онучински? - спросил он у ямщика.

- Онучински, - не глядя ответил ямщик.

- Ах, людишки проклятые эти! - горячился между тем Иван Степаныч. - Как господа со двора, так их собаками никого не сыщешь.

- Да вы не хлопочите, пожалуйста, - говорил приезжий.

- Я и сам внесу.
- Ах, нет. Как это можно! Приказчик! Ну-ка, брат, возьми чемодан, а я вот саквойж да подушку. Пожалуйте!

Приказчик поставил свою шляпу на крыльце, взял чемодан и понес.

Дом был старинный, одноэтажный, с бельведером, но переделанный и перестроенный заново. Разные несообразности и неудобства, свойственные старым деревенским домам, были по возможности устраниены с помощью кое-каких пристроек и сокращений, которые хотя и достигали своей цели, но зато лишали строение типичности и совершенно, по-видимому, исказили его прежнюю физиономию. Это было какое-то длинное, неправильное, выбеленное здание, с обоих концов снабженное фантастическими пристройками и террасами. В одном месте окно заколочено, в другом пробито новое. С первого же взгляда заметно было, что новый строитель имел в виду одну цель - удобство, о симметрии же и вообще о внешности заботился мало.

В передней, да, впрочем, и во всем доме, никого не было; только заходящее солнце, ударяя прямо в широкие окна зала, насквозь пронизывало багровою полосою целый ряд опустелых комнат. Внутри дома еще больше, нежели снаружи, заметны были свежие следы недавней реформы: новые двери, новые обои и перегородки, сделанные, как видно, во имя уютности; кое-где новая мебель, наконец, лампы нового устройства и едкий запах керосина. Но, несмотря на это, несмотря на всю несомненность произведенных улучшений, на всем, решительно на всем лежал еще другой, ничем неизгладимый отпечаток: низкие потолки, широкие изразцовые печи, да и самые размеры и расположения комнат ясно доказывали, что дома такого рода скучеть можно, но пересоздать нельзя.

Гость тихо прошел по всему дому, молча останавливаясь в разных комнатах, и вернулся опять в переднюю; там в простенке висело большое дубовое зеркало, по бокам его стояли новые дубовые стулья с высокими спинками, дубовая вешалка в углу; но у стены так и остался широкий, неуклюжий, только заново выкрашенный коник 3.

- Куда же идти? - спросил гость у своего провожатого.
- А вот сюда, в кабинет. Пожалуйте! Да чаю не угодно ли? Умыться? Сейчас.

Гость остался один; он сел на диван и повел глазами вокруг: шкафы с книгами, камин, бумаги, газеты на столе; в окнах сетки, под окнами сад, за садом солнце садится...

В столовой заскрипели сапоги.

- Что ж, сударь, на чаек-то?

В дверях стоял ямщик и чесал в затылке. В то же время вошел Иван Степаныч с рукомойником.

- Ах, подлый народишко, черт их возьми! Воды нет. Ямщика за водой посыпал. Ну, народ!

- Что вы хлопочете? Успеется еще.

- Да нет, помилуйте, это... Ведь это ни на что не похоже! Так набалованы, из рук вон. Извольте умываться!

Пока гость умывался, Иван Степаныч все говорил:

- Мыло-с? - Вот!.. Ненадолго... Они долго там никогда не бывают. Неподходящий человек... Грубость эта, знаете... Помещик, одним словом, помещик... "Эй!"

Ванька, трубку!.." Вот-с! Хозяин... Да, хозяин... Машины эти все презирает... Марья Николавна не любят к нему ездить.

- Это кто Марья Николавна?

- А супруга Александра Васильича.

- Да, я и забыл, как ее зовут.

- Как же-с, да. Чудесная дама, воспитанная. Здесь таких нет. Я говорю, охота жить здесь, ей-богу! Провинция такая тут, не дай бог - шут ее возьми!

- А вы зачем же здесь живете?

- Я что же? Мое дело такое. Рад бы не жил.

- Что ж вы тут делаете?

- Я письмоводителем при Александре Васильиче состою. На бороде-то мыло осталось. Пониже! Пониже! Письмоводителем... Да что - письмоводитель!.. Черт ли тут?.. Помилуйте!.. Дела... Какие дела?.. Теленок в огород зашел, на грох потравы, на четвертак навозу одного накладет. Дело!.. Посредник... Судить. Самоуправление, говорит... Вон в газетах пишут: здравый смысл народа... Дьяволы! Право... Школы там... Пес их возьми... Вот полотенце. Я говорю Александру Васильичу... Чаю угодно?

- Нет, не хочется. Я подожду их.

- Ну, подождите! Я говорю Александру Васильичу: палкой их!

- Что ж Александр Васильич?

- Что Александр Васильич? У него обыкновенно один разговор - из газет гуманность. Ах, господи! Вот история! Свобода, говорит. Нет, вон она, свободадо! Намедни пришли к нему государственные крестьяне проситься, что нельзя ли, мол, нам под вас записаться в крепостные, так и так, говорят, оченно наслышаны, - жить у вас хорошо. А? - Свобода!.. Здравый смысл!.. Нет, их, анафем, за этот здравый смысл мало еще тово... Мало пробирали... Нет, мало. Другой бы, знаете, как разжег, гуманность-то эту показал бы им.

В это время в соседней комнате, переступая с ноги на ногу, явился приказчик. Он издали заглядывал в дверь и подкашивал.

- Кажется, к вам, - сказал гость.

- Ах, да; приказчик. Сейчас. Нет, я вам скажу, это беда. Вот записывать надо идти. А Вам не угодно ли пока позаняться? Вот тут газеты: "Московские ведомости" 4, "Северная почта" 5... По-французски умеете? "Ленор" 6, "Ледеба" 7. Извольте читать! Погоди, приказчик! Сейчас. Журналы желаете?

- Хорошо. Я посмотрю, - говорил гость, садясь за письменный стол.

- Читайте! Читайте! - кричал, уходя, письмоводитель.

Гость, оставшись один, зевнул и начал перебирать газеты; но все это были старые номера, журналы тоже; да и ворочал-то он нехотя, лениво. На столе тут же попалось ему несколько русских и французских брошюр, вперемежку с пакетами мирового съезда 8 и безобразными тетрадками "Agronomische Zeitung" 9, разные счеты, ведомости, хозяйствственные соображения, кое-как набросанные карандашом.

Впрочем, по мушкиным следам и по загорелому виду листов заметно было, что бумаги писаны давно и разбросаны по небрежности. На стене, рядом с письменным столом, висели на крючках постановления, циркуляры, штрафные таксы за потраву и проч. В этом роде. На стульях лежали раскрытые коробки с бумагами, на диване валялась свежая неразрезанная книжка "Journal d'agriculture

pratique" 10 и собачий ошейник. Гость потянулся в кресле и зацепил ногою под столом целый ворох "Русских ведомостей". Нераспечатанные пачки разъехались по полу. швырнув их ногою опять под стол, он встал и прошелся по комнате. Между тем становилось все темнее, так что уже с трудом можно было рассмотреть несколько фотографических портретов, висевших над диваном: лица всё были известные.

Гость сделал гримасу и, отвернувшись, неожиданно увидел в зеркале самого себя... Он вздрогнул - и начал всматриваться: на черном стекле тускло выступала тощая фигура с исхудальным лицом и неподвижным взглядом. Гость лег на диван и закрыл глаза.

Прошло четверть часа. Вдруг в доме поднялась суета. Кто-то пробежал со свечою в переднюю, собаки залаяли, к крыльцу подъехал шарабан в одну лошадь; в шарабане сидели двое: мужчина и дама. На крыльце слышались голоса:

- Кто?
- Не могу знать.
- Что ж ты не спросил?

Вслед за этим в кабинет вошел молодой белокурый мужчина и в недоумении остановился.

- Не узнал, - подходя к нему и протягивая руку, сказал гость.
- Ах, это ты, Рязанов! Я уж думал, ты и не приедешь. Ну, что? Ну, как ты? Дайте сюда огня!

- Худ-то как, худ! Садись, что ли, я на тебя погляжу. Чай давай пить!
- Давай.
- Самовар скорее! - крикнул хозяин; потом обнял гостя и посадил его на диван. - Да ты рассказывай, как ты там в Питере? Что у вас там делается?
- Всё слава богу. Кланяться велели.
- Ну что ты врешь! Кто мне кланяется? У меня там ни одной собаки знакомой нет.

- Так чего ж тебе нужно?
- Ты мне вот что скажи: отчего ты не писал? В три года хоть бы слово! И не стыдно это тебе? А? - говорил хозяин, усаживаясь рядом с гостем на диван, и еще раз спросил:
- И не стыдно?
- Нет, брат, не стыдно. Да что толку писать? Нынче эту манеру бросают совсем.

- Эх, ты! А еще сочинитель называешься, - смеясь, говорил хозяин.
- Так что ж, что сочинитель? Что ж мне - для тебя письма, что ли, сочинять?
- Зачем сочинять? Писал бы о том, что есть.
- Странный человек! А если нет ничего?
- Рассказывай, брат! Разве я не знаю, что у вас там делается.
- Ну, а коли знаешь, так чего ж тебе еще? Тоже ведь небось газеты читаешь?
- Это все не то.
- Нет, именно то, что тебе следует знать, а больше ничего знать тебе не следует.

- Все ты не дело говоришь, - смеясь и вставая, сказал хозяин. - Да и я-то черт знает что спрашиваю. Человек с дороги, а я о литературе. Что же чаю? Постой, вот я свечи зажгу. Нет, это я очень рад, вот почему, - говорил он, шаркая спичкою. -

Поэтому я и путаюсь. Ты меня извини, пожалуйста!

- Ничего, - отвечал гость, ворочаясь на диване. - Это даже хорошо, что ты путаешься.

Свечи разгорелись понемногу, осветились зеленые стены с темными портретами и две фигуры приятелей: один - сухощавый, черный, с длинными жидкими волосами и клиновидной бородою (Рязанов), - болезненно согнувшись, лежал на диване и серьезно всматривался в другого - белокурого, свежего молодого человека (Щетинина), вдруг неожиданно задумавшегося и неподвижно остановившегося с догоревшою спичкою в руке.

- Что задумался? - наконец спросил гость.

- Кто? Я? Нет, ничего. Это так, - ответил Щетинин, вздохнул и прошелся по комнате; потом круто повернулся к Рязанову и, засунув руки в карманы своего пиджака, сказал:

- Ведь это, знаешь, что? Живешь здесь один, людей не видишь, ну и забудешься как-то; а вдруг вот услышишь такое слово, одно какое-нибудь слово, ну и пошло, и начнут подыматься старые дрожжи.

Гость молчал. Щетинин раза три прошелся из угла в угол, опять остановился перед гостем и торопливо заговорил:

- Нет, ведь я тебе рад, очень рад! - он протянул гостю руку, крепко пожал ее и подсдел к нему с ногами на диван. - Ну, теперь рассказывай! Говори, - что и как там у вас. Худ-то ты как, э! Брат.

- Что ж делать, - равнодушно ответил гость.

- Вот что ты мне скажи, - подвигаясь ближе, вполголоса спросил Щетинин: - признайся, зачем ты сюда приехал?

- Как зачем? Ведь ты знал же, что я воздухом хочу лечиться. Сам же звал меня.

- Звал-то я звал, да я думал, что у тебя еще какая-нибудь цель есть, кроме воздуха.

- Нет; никакой у меня цели больше нет. Вот с тобой кстати повидаться.

Щетинин пристально смотрел гостю в глаза.

- Правду ты говоришь?

- Гм! Что ж ты меня спрашиваешь, правду ли я говорю? Если я не хочу тебе сказать, так не скажу, как ты меня ни спрашивай, как ни вытаращивай на меня своих проницательных взоров.

- Я думал, что ты скажешь.

- Напрасно думал... А если тебе очень уж так захотелось узнать, зачем я приехал, так ты сам старайся выведать, выпытывай поискуне: заводи разговоры о таких предметах и замечай или пьяным меня напой. Мало ли средств... Может, и узнаешь.

- Ну, понес опять! Ты, я вижу, все такой же.

- Все такой же, брат.

- И не надоело это тебе?

- Что ж делать-то? Может, и надоело, да делать-то нечего, не переделаешься.

- А вот я так переделался.

- Ты?

- Да. Что ж, это тебя удивляет?

- Нет, не удивляет. А жена твоя где?

- Ей что-то незддоровится. Она, должно быть, уж легла. Ах, да! Вот ведь я забыл совсем, что тебе нужно приготовить ночлег. Там во флигеле есть комната, да нужно ее прибрать. Ты тут посиди пока!

- Посижу.

Щетинин ушел, гость встал с дивана и начал разминаться, прохаживаясь и покачиваясь из стороны в сторону.

В кабинете стало прохладнее; в открытые окна тихо плыл пропитанный весенним запахом березы вечерний воздух, весь наполненный комариным пением и далекими отголосками разных вечерних звуков.

Минут через пять вошел Щетинин.

- Здесь ничего, жить можно, - сказал гость, продолжая ходить.

- А я уж и не знаю, хорошо ли, - привык. Должно быть, в самом деле хорошо.

- Хорошо. А дети есть у тебя?

- Что это ты вздумал? Нет, брат, у меня детей; да и слава богу, что нету пока.

Прежде

нужно им приготовить кое-что, нужно гнездо свить.

- Какого же тебе еще гнезда? - спросил гость, показывая рукою вокруг себя. - Или ты, может быть, намереваешься для каждого по курятнику выстроить?

- Нет; а вообще я такого мнения на этот счет, что обязанность родителей приготовить для детей кое-какие средства; ну, воспитание там... Нужно же подумать обо всем заранее.

- Да, - как бы соображая, говорил гость, продолжая ходить.

- Да; это похвально. Ну, и что же, - спросил он, - успешно идет заготовка?

- Ничего. Понемножку. Нельзя же вдруг.

- Нельзя. Конечно. А как же теперь эти... - спросил гость, останавливаясь перед Щетининым и показывая пальцем, - эти запасы по отдельным ящичкам разложены: это для Машеньки, а это для Николеньки, или так все вместе?

- Да что ты в самом деле! - шутя закричал Щетинин. - Смеяться, что ли, надо мной приехал?

- Нет; это я вспомнил, - усаживаясь на диван и улыбаясь, продолжал гость, - мать у меня была женщина чадолюбивая и аккуратная, скопидомка была; так вот она, бывало, как только родится у нее дочь, сейчас же и начинает ей приданое копить, и для каждой дочери особый короб предназначался. Ну, и все это идет ничего. Только как, бывало, которая-нибудь из них заспорит, видит мать, что дело плохо, не переспоришь, - "Постой же, говорит, суга, вот ты у меня без приданого насидишься!" сейчас возьмет и все тряпье из короба непокорной дочери и переложит к покорным. Ну, и драки же бывали у сестер из-за этого! Неимоверные драки! Только один отец и помирит, бывало: возьмет да у всех трех приданое-то и пропьет.

После этого рассказа и гость, и хозяин помолчали.

- А все-таки, брат, что ты там ни толкуй, а без этого нельзя, - наконец заговорил Щетинин.

- Без чего нельзя?

- Да без того, чтобы не копить.

- Ну, это кому как. Одному нельзя не копить, а другому нельзя не пропить.

Это, брат,

дело полюбовное.

- Да нет; постой! - перебил его Щетинин. - Совсем ты не то говоришь. Понимаю я, понимаю; да только вовсе я не такой человек, как ты думаешь.

- Какой же ты человек? Ну, рассказывай!

- А вот я какой человек... Я человек... Да нет, я не могу о себе говорить. Черт знает, я как-то не умею.

Щетинин опять заходил из угла с озабоченным лицом и ерошил себе волосы; наконец остановился, оперся руками на стол и сказал:

- Вот что я делал с тех пор, как не видался с тобой, это я могу рассказать.

- Ну, все равно. Это даже лучше будет.

- Да впрочем, ведь я тебе писал сначала.

- Что ты писал? Ты черт знает, что писал: возвзвания какие-то; все меня призывал... Исполнять долг честного гражданина... Об алтаре там... Я это сейчас же в печку. Черт возьми, думаю себе, попадешься еще. Бог с ним!.. Опасный человек!

Щетинин хохотал, валяясь по дивану.

- Ах, чучело! Что он городит? Ну, да, хорошо, хорошо. Слушай же, я все сначала расскажу.

- И об алтаре опять будет?

- Нет, нет, не будет. Факты! Одни голые факты!

- Ну, вот это я люблю. Начинай! Ах, нет, постой! Еще один вопрос: чай-то будет? Не в рассказе, а вот здесь, на столе? Я, брат, еще не пил сегодня. Ведь это тоже факт неоспоримый.

- Как же, будет; непременно будет.

- То-то же. Ну, теперь трогай!

- Да; так вот, - откашлявшись, начал Щетинин, - тогда мать у меня умерла. Ты помнишь ведь?

- Как же, как же. Почтенная была дама. Помню, как же.

- Ну, так вот после ее смерти я приехал сюда и женился. Женщина эта... Да, впрочем, сам увидишь, какая это женщина. Я тебе одно только могу сказать, что, если бы не она, я, кажется, году бы не вынес той каторжной жизни, которую я вел здесь вначале, когда, знаешь, все это еще вновь было, ни к чему приступиться не умеешь; а тут волнуется это все кругом, ничего слушать не хотят: ты им и то и другое, - ничего! Потом совсем было уж дело сладилось, уставную грамоту 11 писать, - вдруг - нет! Не хотим; подождем, что еще будет.

- Ну, да; это более или менее известная история, - заметил гость. - Как же ты с своими-то кончил?

- Как кончил? - Подарил.

- Всё?

- Всю землю, которой они владели.

- Что и требовалось доказать?

- Нет; доказать-то требовалось не это. Оно вышло-то совсем не то, чего я хотел.

- Что ж, ты не хотел дарить? Тебя принудили, что ли?

- Да нет же! Я ехал сюда с тем, чтобы отдать им все даром, и как приехал, сейчас же предложил им.